

Научная статья

УДК 141

doi: 10.17223/1998863X/69/23

РОРТИ И СТРАХ ВЛИЯНИЯ (КАК ИЗБЕЖАТЬ ВТОРИЧНОСТИ)

Оксана Ивановна Целищева

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, oxanatse@gmail.com

Аннотация. Статья представляет комментарий к рецензии С.А. Смирнова на нашу книгу о философии Ричарда Рорти. При рассмотрении эволюции взглядов – от релятивизма, «ассимиляции» историка науки Т. Куна, «адаптации» континентальных мыслителей М. Хайдеггера, Ж. Деррида, до герменевтики Г. Гадамера, «маяков-ориентиров», отмеченных Смирновым, – нами добавлен еще один, а именно «страх влияния», по Г. Блуму. Показан ряд примеров того, как преодоление Рорти такого влияния может быть представлено в качестве способа идентификации как самого Рорти, так и его философии.

Ключевые слова: Рорти, Смирнов, герменевтика, интерпретация, страх влияния

Для цитирования: Целищева О.И. Рорти и страх влияния (как избежать вторичности) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 227–235. doi: 10.17223/1998863X/69/23

Original article

RORTY AND THE FEAR OF INFLUENCE (HOW TO AVOID BEING SECONDARY)

Oxana I. Tselishcheva

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, oxanatse@gmail.com*

Abstract. The article presents a commentary on Sergey Smirnov's review of my book on the philosophy of Richard Rorty. When considering the evolution of views – from relativism, the “assimilation” of the historian of science Thomas Kuhn, the “adaptation” of the continental thinkers Martin Heidegger and Jacques Derrida to the hermeneutics of Hans-Georg Gadamer – of the “landmark beacons” noted by Smirnov, I have added another one, namely, the “fear of influence” by Harold Bloom. A number of examples are shown of how Rorty's overcoming of such influence can be presented as a way of identifying both Rorty himself and his philosophy. A striking example of Rorty's efforts to avoid being “secondary” is his attitude to the work of Kuhn, who deals with the history of physics, while Rorty deals with philosophical discourse. Rorty tried to avoid this dilemma by resorting to attempts to combine these discourses, but without accepting the accepted hierarchy of sciences, in which philosophy occupies a subordinate place. It is for these reasons that Rorty escaped from the influence of Kuhn, after which he is characterized by great ambitions, since he speaks on behalf of cultural policy, which Rorty calls “philosophy”. An even more striking example of how Rorty overcomes his “secondariness” is given. It is Gadamer's and Heidegger's influence on Rorty, and his acceptance of hermeneutics instead of epistemology. Rorty's demonstrative preference for hermeneutic conversations in this spirit of argumentation in an epistemological way demonstrated the obvious secondary nature of Rorty. Feeling this burden, Rorty tries to get rid of the fear of influence. A new understanding of his goals requires new arguments from Rorty, already directed against hermeneutics. He finds them in Donald Davidson's polemic with Charles Taylor. The fact is that Rorty discards the old

concept of interpretation, “inscribed on the banners of the philosophical movement” represented by Dilthey, Gadamer, and Taylor, replacing it with a more subtle concept of “recontextualization”. Thus, there can be no “total”, or, as Rorty says, universal hermeneutics!

Keywords: Rorty, Smirnov, hermeneutics, interpretation, fear of influence

For citation: Tselishcheva, O.I. (2022) Rorty and the fear of influence (how to avoid being secondary). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 227–235. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/23

Интересный критический анализ С.А. Смирнова нашей книги [1] ставит два соотносящихся друг с другом вопроса: определение места Рорти в современной философии и его «самоопределение» внутри обширного круга школ и направлений. Первый вопрос имеет дело с «объективной» оценкой взглядов Рорти, более или менее принятой в литературе, где доминирует ярлык «прагматиста», и не без помощи самого Рорти, с его вечным рефреном «мы, прагматисты...». Что касается самоопределения, то несмотря на рефрен, Рорти чувствует гораздо большую свободу, объявляя своими сторонниками и противниками самых разнообразных мыслителей. Предпочитаемый Рорти жанр эссеистики позволил ему высказаться по широчайшему кругу проблем. Перед читателем, который отнюдь не ограничивается «главной» книгой Рорти «Философия и зеркало природы», стоит нелегкая задача понимания того, в чем, собственно, заключается его философия. В этом отношении план нашей работы был двояким. Во-первых, показать, что взгляды Рорти претерпевали эволюцию, которую можно отследить объективно, и в частности, в оценке аналитической философии он сдвигался от ее неприятия через нейтральное отношение к некоторого рода одобрению. Именно последнее обстоятельство стало причиной того, что многие, считая и самого Смирнова, сочли самоназвание Рорти «маргинальным аналитическим философом» этаким оксюмороном.

Во-вторых, наше намерение состояло в демонстрации того, что взгляды Рорти более всего подвержены его отходу от роли прагматиста в сторону все более разнообразных мнений по очень широкому спектру «культурной политики» (как он называл философию). В нашей работе мы стремились отразить и это движение мысли Рорти, которое завершилось в конечном счете «синкретизмом». Обычно негативные оценки этого термина в данном случае нивелируются крайне важным признанием самого Рорти: «Я без усталости ищу новых героев, оставаясь в то же время разумно лояльным старым героям, и поэтому оказываюсь синкретистом... В далекие 1960-е, когда я был истовым аналитическим философом, я слышал, как мой старший коллега Стюарт Хэмпшир, которым я восхищался, отвечал на вопросы о звездной международной конференции по какой-то широкой и претенциозной теме – конференции, с которой он только что вернулся и где он подводил итоги на финальном заседании. „Ничего особенного, – объяснил Хэмпшир, – для такого бывалого синкретиста вроде меня“. И в тот же момент я понял, что хочу стать синкретистом, когда вырасту» [2. Р. 10].

Именно это обстоятельство очень точно отмечает Смирнов, говоря: «[Рорти] перемещается по миру философии, не примыкая ни к какому... лагерю. В этом и состоит его странная неумная уместность, что и показано в... книге ...О.И. Целищевой» [3. С. 200].

Смирнов вводит очень удачную метафору для такого поведения Рорти: «В этом плане Рорти выступает постоянным пограничником, номадом, движущимся по границам областей знаний, сфер деятельности, систем категорий, словарей и парадигм, неся подвижный фронт на самом себе. Он напоминает собой кочевника, который перемещается по территории, неся на себе подвижный фронт... Он перемещает на себе и границу, не будучи прикрепленным к территории, но постоянно ориентируясь в пространстве перемещения и обитания» [3. С. 200].

Действительно, сам диапазон перемещений Рорти впечатляет. Споры о релятивизме, «ассимиляция» историка науки Т. Куна, «адаптация» континентальных мыслителей М. Хайдеггера, Ж. Деррида, герменевтика Г. Гадамера и т.п., и это только в рамках «чистой философии», а за пределами этого – целый континент политической, социальной философии и литературной критики. В этом впечатляющем многообразии Смирнов предлагает обнаружить порядок путем нахождения «маяки-ориентиров, расставленных по пути следования [Рорти]». Он выделяет три таких маяка:

1. Отношение философа к научной школе или направлению.
2. Географические и исторические характеристики биографии философа.
3. Ключевым признаком понимания и осмысления топоса философа выступает в таком случае один: событие мысли философа.

Все три признака представляются нам адекватным способом понимания специфики философии Рорти, и следует лишь добавить, что третий ориентир – событие мысли философа – предлагает интересные возможности анализа философии Рорти, которые не нашли места в нашей книге. В этом отношении обзор книги Смирновым по-настоящему явился источником нового аспекта в понимании «философа-номада». Остальная часть статьи является попыткой охарактеризовать еще один маяк-ориентир в творчестве Рорти.

Важнейшим источником в мышлении Рорти явилась беллетристика и литературная критика. У него нет прямого одобрения Деррида, который провозгласил, что философия и есть беллетристика, но он не особенно и протестовал против этой крайности. В этом случае не стоит удивляться влиянию на него Гарольда Блума, одним из важнейших тезисов которого был «страх вторичности» как одного из важнейших мотивов творческого ума. Этот страх заключается в попытке желания избежать влияния предшественников и утвердить свою самостоятельность. Часто такого рода экзистенциальная тревога именуется «страх влияния» [4]. Мы утверждаем, что именно такого рода «страх» был одним из главных мотивов непрерывного перемещения «номада» Рорти. Этот страх обуревал Рорти в двух случаях: когда он хотел преодолеть предшественников и выйти на первые роли и когда он замечал подражателей и искал новое «стойбище». Во втором случае это был уже страх тиражирования своих взглядов, страх оказаться клишированным и повторенным. Можно, конечно, считать второй случай отличным от того, что имел в виду Блум, но, по сути, это некоторого рода инверсия того же.

Для иллюстрации того, что оба мотива есть проявление одного и того же, можно привести случай с ненаписанной книгой Рорти о Хайдеггере. Интерпретация философии Хайдеггера занимала важное место в работах Рорти. Достаточно сказать, что второй том его избранных сочинений имеет подзаголовок «Очерки о Хайдеггере и других» [5]. Рорти обещал написать о Хайдег-

гере книгу, которая ожидалась с огромным интересом, но так и не была написана. На вопросы разочарованных поклонников и недоброжелательство противников о причинах Рорти отвечал, что сам он и другие много чего написали о Хайдеггере и ему нет смысла повторять их. Ему, конечно, было что сказать, но он не хотел быть долгое время одним из тех, кто пишет о Хайдеггере, и не хотел стать пленником своих же представлений о Хайдеггере. Пора «кочевнику» двинуться в путь.

Ряд эпизодов из жизни Рорти убедительно иллюстрируют тезис о его «страхе вторичности». Прежде всего, следует упомянуть его «аналитический» период, когда он, будучи преподавателем в Принстоне, по его собственному выражению, выполнял «домашние задания», стремясь быть своим среди аналитического братства.

Если бы кто-нибудь ознакомился с Рорти через чтение нескольких его статей, которые тот «опубликовал в начале своей карьеры, он показался бы читателю достаточно опытным и хорошо подготовленным аналитическим философом. Рорти публиковал статьи в середине 1960-х и начале 1970-х о теории тождества ума и тела, аргументируя о неправдоподобности ментальных репрезентаций и отдавая предпочтение тому, что он назвал «элиминативным материализмом». Он редактировал сборник эссе под названием *Лингвистический поворот*, в котором было собрано множество философов, писавших по проблемам языка, смысла и истины, а затем ставших центральными фигурами аналитической философии... Казалось, он делает карьеру еще одного талантливого философа, применяющего методы аналитической философии к многолетним проблемам ума, языка и реальности» [6. Р. 6].

И внезапно он превращается в яростного критика этой самой аналитической философии, публикуя ставшую довольно быстро знаменитой книгу *Философия и зеркало природы* [7]. К нему приходит прозрение, что все написанное им до этой книги вторично, хотя и качественно (не случайно, что в *Зеркале*, собственно, по-настоящему революционной является лишь третья ее часть «Философия», а первые две части – это все-таки дань старому).

Осознание своей вторичности не является каким-то рационально обоснованным и продуманным актом, будучи во многом психологическим фактором. Довольно интересным в этом отношении является следующий эпизод из принстонской жизни, который проливает свет на симптомы ощущения этой вторичности. Гильберт Харман, одно время подвизавшийся в философии языка, был на факультете олицетворением среды, которая культивировала вторичность своих членов (в терминологии Т. Куна, участников «нормальной» науки), и не достигший серьезной известности. Столкновение Рорти с Харманом можно рассматривать как желание преодолеть вторичность «нормальной» науки, и сама конфликтность ситуации говорит об определенном страхе вторичности у Рорти. С точки зрения Гросса, «вскоре стало ясно, что он [Рорти] и Харман не пришли к пониманию. В письме матери... Рорти пишет, что „принципиально проблемы были в том, что, когда я пришел на кафедру, меня взял под покровительство блестящий молодой человек, и я думал, что нашел друга и коллегу, с кем можно говорить о философии. Однако этот парень... решил через несколько месяцев, что у меня нет тех мозгов, которых он от меня ожидал. Он очень интеллигентно, не проявляя радости при унижении дураков, дал мне это ясно понять. Это унижение (чувство, что сей-

час нет смысла оставаться в Принстоне, – так как мне просто не было больше ни с кем поговорить) сильно огорчило меня“» [8. Р. 193].

Пожалуй, наиболее ярким примером усилий Рорти по избежанию вторичности является его отношение к творчеству Куна. В нашей книге показано, что Рорти преследует идею исторических периодов в развитии философии как некоторого рода сдвиг в ней парадигм. Но для того чтобы Рорти мог опереться на Куна, ему было нужно придерживаться соображений о научных теориях, а не просто о философском дискурсе. Рорти пытался избежать этой дилеммы, прибегая к попыткам объединения этих дискурсов: «Чтение Куна убедило меня и многих других, что взамен отображения культуры на эпистемо-онтологическую иерархию, верх которой логический, объективный и научный, а низ – риторический, субъективный и ненаучный, нам следует отображать культуру в социологический спектр, от хаотического левого, где критерии постоянно меняются, до аккуратного правого, где они по крайней мере на момент фиксируются» [9. Р. 180].

Однако на практике такая стратегия не очень срабатывала, поскольку она была явно не пригодна для сообщества представителей естественных наук, и в одной из своих Рорти бросает упрек видному физика С. Вайнбергу, критикующему Рорти и Куна за отрицание ими объективности научного знания, что намерения Вайнберга состоят в том, чтобы «держат естественные науки наверху культурной стадной иерархии» [Ibid. Р. 184].

Критика Вайнберга была обращена к обоим – Куну и Рорти, и, казалось бы, оба они принадлежат одной компании. Но Кун, видимо, считал, что его разногласия с физиками – это внутренний вопрос, куда не должны лезть философы. Рорти испытывает некоторого рода обиду, говоря, что «Кун был смущен моей защитой его» [Ibid. Р. 187]. В конечном счете Рорти преодолевает влияние Куна, освобождаясь от соответствующего страха, извиняя (если не обвиняя) Куна в реверансах в адрес естественных наук с «их системой куриных насестов» [Ibid. Р. 186]. Рорти вырвался из-под влияния Куна по части релятивизма, где он действительно «перекунил» самого Куна. Признав себя, пусть даже слегка в ироническом тоне, «маргинальным аналитическим философом», Рорти уравнивает шансы двух ветвей философии в постфилософской культуре. Эту тенденцию Кун не принимал по многим причинам, сознательно ограничивая свой релятивизм лишь историей науки. В этом смысле релятивизм Рорти был менее ограничительным, чего не принимал Кун. С точки зрения последнего, Рорти был БОльшим «релятивистом», хотя Кун так и не указал достаточно явно, где Рорти «сошел с рельсов».

Следование взглядам Куна в философии Рорти отчетливо прослеживается в *Философии и зеркале природы*. Но чем дальше идет Рорти в своем постепенном признании паритета аналитической и континентальной философии, тем меньше для него значит Кун. И хотя его пиетет перед Куном время от времени дает о себе знать, он носит скорее ритуальный характер. Рорти избавился от (очередного) страха влияния, найдя свой собственный путь к адаптации релятивизма к синкретическим мотивам отказа от философского метода вообще.

Преодоление Рорти влияния Куна, точнее, формирование гораздо более самостоятельной версии релятивизма, не отмечено какими-либо четкими очертаниями в изменении настроений Рорти. Впрочем, это касается и «под-

падание» под влияние Куна. Кроме странного обстоятельства, что за годы совместного пребывания в Принстоне, где Кун вел семинары, на которых постоянно присутствовал Рорти, они встречались не более трех раз. А «расставание» с Куном отмечено лишь весьма мягким (по полемическим стандартам Рорти) описанием заблуждений Куна по поводу пресловутой иерархии наук. В конечном счете роль Куна ограничивается «вспоможением» в деле избавления от различия в онтологическом статусе кварков и человеческих прав. Именно это «...помогает нам отвергнуть предположение, что естественные науки должны служить парадигмой остальной культуре, в частности, что философский прогресс состоит во все большем приближении философии к научному образцу. Именно эти плохие идеи играют значительную роль в происхождении интеллектуальной традиции, сейчас известной как «аналитическая философия». Но эта традиция сейчас, после Куна, в состоянии отбросить эти лесенки и подпорки» [2. Р. 8].

Таким образом, у Рорти, вышедшего из-под влияния Куна, гораздо больший «замах» и большие амбиции, поскольку он говорит от лица всей человеческой культуры, по крайней мере, от культурной политики, которую Рорти называет «философией».

Но есть даже более поразительный пример того, как Рорти преодолевает свою «вторичность». Речь, конечно, идет о влиянии на Рорти со стороны Х.-Г. Гадамера и М. Хайдеггера. Внимательный читатель *Философии и зеркала природы*, наверняка, отметит уже упоминавшийся выше контраст между двумя первыми «деловыми» разделами и более программной третьей частью, где важную роль играет открыто провозглашаемая замена эпистемологии герменевтикой и сопутствующей ей роли «разговора». Провозглашение философии «разговором человечества», ставшее своего рода «слоганом» для этого этапа Рорти, апеллирует не только к Гадамеру, но и к позднему Хайдеггеру, и в этом смысле вторичность Рорти бесспорна. Она, в некотором смысле, даже может шокировать читателя, который полагает, в силу популярности *Философии и зеркала природы*, что Рорти тут был полностью оригинален.

По свидетельству друга Рорти в период Принстона, будущего известного социального философа Р. Гойса, идея «разговора» завладела Рорти после прочтения им книги Гадамера *Истина и метод* [10]. Гойс говорит, что все его попытки умерить восторги Рорти по поводу Гадамера, включая поведение того при нацистском режиме, не возымели никакого действия [11]. Как и Хайдеггер, Гадамер захвачен видением немецкого поэта Гёльдерлина, согласно которому:

Человек научился многому.

Он дал имя божественным бытиям,

С тех пор как мы стали разговором

И смогли слышать друг друга [Ibid.].

Контингентность социальной жизни человека, играющая важную роль во всей философии Рорти, подкрепляется спонтанностью разговора, который сам по себе уже носит характер «кибицирования», и, как замечает Гойс, «от всего этого один шаг до утверждения, что философия важна, потому что это способ, которым разговор поддерживает себя» [Ibid. Р. 87]. И отсюда совсем уже короткий путь к знаменитому девизу Рорти «Философия – это разговор человечества».

Демонстративное предпочтение Рорти герменевтических разговоров в этом духе аргументации в эпистемологическом ключе демонстрировало явную вторичность Рорти. Ощущая это бремя, Рорти пытается избавиться от страха влияния. Зачастую при заимствовании чужих концепций трудно идти до конца в гармонии с источником идей. Интересный вопрос заключается в том, где происходит остановка, и с какого момента начинается их преодоление.

Принимая в целом идею Хайдеггера, что одной из двух функций языка как коммуникации является разговор, Рорти спекулирует о культуре, в которой поэзия, а не философия-как-наука, была бы парадигмальной человеческой активностью [12. Р. 36]. Рорти отнюдь не принимает метафизику Хайдеггера, но берет от него пару идей, которые играют значительную роль в *Философии и зеркале природы*, приспособлявая его, как и Гадамера, именно к своим целям, критики философии как самостоятельной дисциплины. Если у Деррида философия может быть беллетристикой, у Гадамера – герменевтикой, а у Хайдеггера (позднего) – молчанием, то почему бы ей не быть просто свободным от методов и тематики выражением переполняющих человека чувств после тяжелого труда в поле (другими словами, кибицированием).

Возможно, именно отсутствие специфического философского метода было тем, что привлекало Рорти в герменевтике. Он явно, противореча самому Гадамеру, не считал ее методом; в конце концов, «разговор человечества» претендует скорее на метафору, чем на метод.

Очень важным шагом в эволюции взглядов Рорти оказался отказ от герменевтики как знамени философии, шаг, который практически остался незамеченным для исследователей его философии, и именно он является решительным шагом в освобождении от страха влияния.

После написания книги *Философия и зеркало природы*, в которой влияние Гадамера и Хайдеггера выглядело чуть ли не прямым заимствованием, Рорти начал «борьбу» за освобождение от упрощенных представлений о возможностях герменевтики. Рорти полагает, что само по себе обращение к герменевтике расширяет выразительные возможности философии лишь к худшему, когда теряется собственно специфика ее определенных контекстов. Точнее, он полагает, что провозглашение герменевтики универсальным методом затемняет реально существующую практику разделения философского дискурса на научный и гуманитарный.

Его новым героем становится уже не Гадамер, от влияния которого он избавляется, а Д. Дэвидсон, для которого главной категорией становится понятие интерпретации, более точной, чем герменевтические концепции, в то же время служа тем же целям, которые нужны Рорти. Он уточняет концепцию интерпретации путем противопоставления ее концепции «объяснения». Эта дихотомия уже делит общекультурный дискурс на две части: «научный» и «гуманитарный»: объяснение требует точности и аргументации, а интерпретация имеет дело с множеством вер, с крайне свободным обращением к таким вещам, как метафоры, аллюзии и всяческого рода языковые игры. Но, как и герменевтика, эта дихотомия слишком широка, и Рорти увязывает ее о со своей базовой установкой в критике эпистемологии – антиэссенциализмом, устранением дуализмов западной метафизики, отрицанием объективной истины. Последнее понятие апеллирует в чему-то внешнему по отношению к

верам и требует какого-то рода консенсуса от обладателей веры. Но поскольку «игра» не подразумевает какого-либо рода консенсуса, эпистемология заменяется уже не герменевтикой, а новым пониманием роли интерпретации. Это важный шаг Рорти, продиктованный пониманием, что «разговор» человечества» является столь широким лозунгом, что теряется как-либо специфика дискурса и упускается возможность обсуждения множества вопросов, важность которых признается неизбежной для многих философов.

Новое понимание своих целей требует от Рорти новых аргументов, направленных уже против герменевтики. Их он находит в полемике Д. Дэвидсона с Ч. Тейлором [13], на которой в данной статье мы не можем останавливаться. Фактом является то, что Рорти отбрасывает старое понятие интерпретации, «начертанное на знаменах философского движения», представленного Дильтеем, Гадамером и Тейлором, заменяя его более тонкой концепцией «реконтекстуализации». Таким образом, не может быть «тотальной», или, как говорит Рорти, универсальной герменевтики!

Описанный эпизод освобождения Рорти от влияния очень характерен. Является ли такое освобождение окончательным, – по сути «праздный» вопрос, потому что можно тут же указать на то, что теперь в «кибитке Рорти» новый попутчик – Д. Дэвидсон, если прибегнуть к красочной метафоре С. Смирнова. В конечном счете синкретизм Рорти обрекает его на новые влияния и новые горизонты. Попытка предсказать, чье влияние будет следующим, опять-таки памятуя о важнейшем вопросе Смирнова об идентичности философа, тщетна. На определенном этапе своей эволюции Рорти говорит, что уже не Витгенштейн, ни Хайдеггер (его герои, страх влияния которых был весьма ощутим в Рорти) не захватывают воображение читателя, и вся философия в настоящее время просто находится в ожидании Годо [1. С. 304].

Список источников

1. Целищева О.И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.
2. Rorty R. Introduction // Truth and Progress. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
3. Смирнов С.А. Топос философа, или Еще раз о философском самоопределении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 187–202.
4. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998.
5. Rorty R. Philosophical Papers, vol. 2. Essay on Heidegger and Others. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.
6. Guigon C. Hiley D. Richard Rorty. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. М.: Канон+, 2022.
8. Gross N. Richard Rorty. The Making of an American Philosopher. Chicago University of Chicago Press, 2008. P. 193.
9. Rorty R. Thomas Kuhn, Rocks, and the Laws of Physics // Philosophy and Social Hopes. L. : Penguin Books, 1999.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
11. Geuss R. Richard Rorty at Princeton: Personal Recollection // Arion 15.3, winter 2008.
12. Rorty R. The Banality of Pragmatism and the Poetry of Justice // Philosophy and Social Hopes. L. : Penguin Books, 1999.
13. Rorty R. Inquiry as Recontextualization: An Anti-dualist Account of Interpretation // Philosophical Papers. Vol. 1: Objectivity, Relativism and Truth. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. P. 93–110.

References

1. Tselishcheva, O.I. (2021) *Richard Rorty: "marginal'nyy analiticheskiy filosof"* [Richard Rorty: "Marginal Analytical Philosopher"]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
2. Rorty, R. (1998) *Truth and Progress. Philosophical Papers*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Smirnov, S.A. (2022) *Topos filosofa ili eshche raz o filosofskom samoopredelenii* [Topos of a Philosopher or Once Again About Philosophical Self-Determination]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 187–202.
4. Bloom, H. (1998) *Strakh vliyaniya. Karta perechityvaniya* [Fear of influence. Map of Rereading]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
5. Rorty, R. (1991a) *Philosophical Papers*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Guigon, C. & Hiley, D. (eds) (2003) *Richard Rorty*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and Mirror of Nature]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
8. Gross, N. (2008) *Richard Rorty. The Making of an American Philosopher*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Rorty, R. (1999a) *Philosophy and Social Hopes*. London: Penguin Books.
10. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Translated from German. Moscow: Progress.
11. Geuss, R. (2008) Richard Rorty at Princeton: Personal Recollection. *Arion*. 15.3. Winter.
12. Rorty, R. (1999b) *Philosophy and Social Hopes*. London: Penguin Books.
13. Rorty, R. (1991b) *Philosophical Papers*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 93–110.

Сведения об авторе:

Целищева О.И. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: oxanatse@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tselishcheva O.I. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oxanatse@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*